

wp-content/uploads/2015/12/Important-document-2_3435_SS_41_20142015.pdf/. – Дата доступа: 23.12.2018.

3. Markey, D. S. Behind China's Gambit in Pakistan, Council on Foreign Relations, 12 May 2016 [Электронный ресурс] / D. S. Markey, J. West. – Режим доступа: <https://www.cfr.org/expert-brief/behind-chinas-gambit-pakistan>. – Дата доступа: 29.11.2018.

4. CPEC «Game-Changer» for Pakistan, «Fate-Changer» for Region: PM» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.app.com.pk/cpec-game-changer-for-pakistan-entire-region-pm/>. – Дата доступа: 3.04.2018.

5. Jamal, N. «The Cost of CPEC», Dawn, March 12, 2017 / N. Jamal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dawn.com/news/1320028/>. – Дата доступа: 26.03.2018.

6. Shahbaz Rana. «Govt Green-Lights Three CPEC Projects at 23 % Higher Cost» / The Express Tribune, December 15, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tribune.com.pk/story/1010145/cleared-in-haste-govt-green-lights-three-cpec-projects-at-23-higher-cost/>. – Дата доступа: 30.11.2018.

7. International Monetary Fund, Pakistan, IMF Country Report No. 16/325, October 2016/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2016/cr16325.pdf/>. – Дата доступа: 21.04.2018.

8. Irfan Raza, S. «CPEC Could Become Another East India Company» / Dawn, 18 October 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dawn.com/news/1290677>. – Дата доступа: 30.11.2018.

(Дата подачи: 28.02.2019 г.)

V. С. Михайловский

Белорусский государственный университет, Минск

V. Mikhailouski

Belarusian State University, Minsk

УДК 303.02+32

ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОЛИТОЛОГИИ

FORMS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE INTEGRATION AND THEIR IMPACT ON POLITICAL SCIENCE

В статье выявлено, что наибольшее значение на политологию оказала междисциплинарная форма интеграции знания. Она способствовала внедрению в политическую науку эмпирических методов и формированию политологических субдисциплин. Сделан вывод, что междисциплинарность выступает эвристическим подходом интеграции знания для политологии, так как учитывает прежний опыт становления и развития политической науки, а также возможные ограничения коллективных исследовательских практик.

Ключевые слова: междисциплинарность; трансдисциплинарность; сложность; развитие политологии; субдисциплины политологии.

The article reveals that the interdisciplinary form of knowledge integration has had the greatest importance on political science. It contributed to the introduction of empirical methods in political science and the formation of political science sub-disciplines. It is concluded that interdisciplinarity is a heuristic approach to the integration of knowledge for political science,

as it takes into account the previous experience of the formation and development of political science, as well as possible limitations of research collective practices.

Keywords: interdisciplinary; transdisciplinarity; complexity; development of political science; political science disciplines.

Научное знание в эпоху постнеклассической парадигмы своего развития характеризуется все большей спецификацией исследований. Президент Международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET) Б. Николеску оценил историческую тенденцию увеличения научных дисциплин (с 7 в XIII веке до 54 в середине XX века и к 8000 к началу XXI века) как «в определенном смысле катастрофу для знания» [1, с. 77]. Подчеркивалось отсутствие прямой зависимости между множеством дисциплин и познаваемостью мира, что препятствует реализации эвристического потенциала науки.

Противоречия науки не остаются в стороне от научного сообщества. Еще в середине XX века «такие слова, как “мультидисциплинарность” и “междисциплинарность” стали актуальными, выражая потребность ... интеграции знания» [1, с. 77]. На постнеклассическом этапе развития науки стало понятно, что одно и то же явление можно описать с помощью разных наук или разных научных подходов. В социальных науках это воплотилось в идеях триангуляции истины: к одним и тем же выводам можно и нужно прийти несколькими способами.

Интеграция науки стала актуальным предметом специальных исследований как отдельных авторов, так и целых институтов: Центр трансдисциплинарных исследований Швейцарской академии наук и искусств, Национальный научный фонд США, Центр образовательных исследований и инноваций (CERI), Институт трансдисциплинарных технологий (Россия) и др. В структуре Института философии Национальной академии наук Беларуси действует Центр философско-методологических и междисциплинарных исследований. Список авторов, раскрывающих проблемы интеграции науки, обширен. Наиболее известные представители – Ж. Пиаже, Б. Николеску (Франция), В. С. Степин, Л. П. Киященко, В. И. Моисеев (Россия).

Проблема интеграция науки рассматривается в диапазоне ее возможных вариаций: *мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность*. Такая широта исходного понятийно-категориального аппарата не идет на пользу исследованиям в этой области. обстоятельный анализ литературных источников, посвященных сущности и особенностям интеграции дисциплин, выявил отсутствие единого подхода к этому предмету исследований. Несмотря на множество публикаций по теме интеграции социогуманитарного знания, отсутствуют отдельные исследования, посвященные значению различных форм интеграции науки для политологии. Цель данной статьи – выявить возможные формы интеграции знания и их эвристическое значение для политологии.

Среди множества форм интеграции науки междисциплинарный подход обозначен в большинстве областей современного знания¹. Даже обзорного ознакомления с публикациями, посвященными этому вопросу, достаточно для формирования представления о широте актуализации междисциплинарности: биология, история, лингвистика, социология, педагогика, политология, экология, экономика и др. По этой причине междисциплинарность рассматривается нами как исходный концепт в анализе интегративной тенденции современной науки.

Научный дискурс междисциплинарности нашел свое программное закрепление в следующих документах: Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (ЮНЕСКО, 1998) [2]; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (2016) [3, с. 13]. Глобальные изменения в организации научной, научно-технической и инновационной деятельности учитываются и в Республике Беларусь. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», разработанная НАН Беларуси, уделяет особое внимание междисциплинарным исследованиям. Они заявлены как приоритетные направления научной деятельности на всех этапах реализации программы: этап актуализации заделов (2018–2020), этап создания точек роста (2021–2030), этап поддержания лидерства (2031–2040) [4].

Междисциплинарность стала предметом исследования философии и методологии науки. В этой области исследований отношение к междисциплинарности не лишено определенного научного пафоса: междисциплинарность обозначается как «одно из самых значимых открытий XX века», как «тотальный феномен познания XXI века» [5, с. 114]; как «“стройка века” в социогуманитарной науке» [6, с. 22]. Однако анализ различных подходов к определению междисциплинарности показал, что междисциплинарность относится к сущностно оспариваемым категориям. Необходимо разграничить понятие междисциплинарности с категориями «дисциплинарность» (дисциплинарный подход), «мультидисциплинарность», «интердисциплинарность» и «трандисциплинарность».

Научную дисциплину определяют по-разному. Среди ее существенных характеристик называют следующие: единство предмета, методов, способов оценки, традиций исследования. Дисциплинарный подход имел конструктивное значение для становления науки как специфической познавательной деятельности и социального института. Однако в рамках дисциплинарного подхода возникли тенденции, которые в итоге привели к его ограниченности. Обстоятельный анализ литературы, посвященной генезису междисци-

---

¹ Вывод сделан на основе поискового запроса по слову «междисциплинарность» в Научной электронной библиотеке «Elibrary.ru», по слову «interdisciplinary» в глобальной поисковой системе «Google Scholar», а также на основе анализа материалов трех ежегодных Всероссийских научных конференций «Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании» (г. Ростов-на-Дону, 2016–2018 гг.).

плинарности, позволил нам выделить три основных фактора, приведших к оспариванию дисциплинарного подхода. Во-первых, «естественное для науки стремление применять оправдавшие себя методы за границами исходной сферы применения» [7, с. 15]. Во-вторых, стремление ученых продуцировать новое знание, отталкиваясь от конкретных научных задач, а не следовать институциональному требованию совершенствовать содержание конкретной дисциплины [8, с. 92]. В-третьих, структурная «сложность» новых предметов научного познания.

В литературе встречается представление о междисциплинарности как о поворотном моменте в развитии науки или как о радикальной альтернативе дисциплинарному подходу [9, с. 3]. Желание радикально противопоставить дисциплинарность и междисциплинарность обусловлено в теории американского философа науки Т. Куна. По Т. Куну, для «нормальной науки» характерно нежелание ученых создавать что-либо выходящее за рамки их устоявшихся представлений: «исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает» [10, с. 50–51]. С точки зрения российского исследователя И. Т. Касавина, в куновской «нормальной науке» нет места междисциплинарности, т. к. «каждый занимается своим делом». Междисциплинарное взаимодействие свидетельствует о «постпарадигмальном, экстраординарном или революционном» периоде науки. И. Т. Касавин делает вывод, что если придерживаться положений Т. Куна, то «складывается картина, в которой периоды “нормальной науки” и “власти парадигмы” в гуманитарном знании по сравнению с естественно-научным уменьшены, а периоды экстрапарадигмальной науки существенно удлинены». Учитывая «динамизм» социально-гуманитарного знания, «постоянное рассогласование различных пластов (теоретического и эмпирического, концептуального и социального, фундаментального и прикладного)» социально-гуманитарных наук, И. Т. Касавин постулирует «парадокс»: «сегодня междисциплинарность применительно к социально-гуманитарным наукам оказывается нормой жизни, а знание в рамках дисциплины – аномалией» [11, с. 20]. И. Т. Касавин призывает исследователей обращаться не к Т. Куну, а к американскому методологу науки П. Фейерабенду [11, с. 20]. П. Фейерабэнд отстаивал плюралистическую методологию. Его базовый тезис: существует «лишь один принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития – *допустимо все*», а познавательный «анархизм помогает достигнуть прогресса в любом смысле» [12, с. 158–159].

Более взвешенный подход к феномену междисциплинарности, включающий крайние позиции, обосновывает российский исследователь В. Л. Васюков. С его точки зрения, научная дисциплина представляет собой *систему в системе*: теории «группируются в научные дисциплины», «превращаются в системное образование» и «одновременно это приводит и к внешнему, междисциплинарному взаимодействию». Наука представляет

собой «не просто совокупность, некий бесформенный конгломерат дисциплин», а «стройную систему с многочисленными и разносторонними внутренними и внешними связями» [13, с. 55]. Подобная точка зрения высказывалась еще в советской литературе. Так, Л. Е. Венцковский подчеркивал, что дифференциация и специфика дисциплин не исключает их синтеза; и что «чем сложнее структура» объекта исследования, «тем острее ощущается необходимость ... междисциплинарного синтеза» [14, с. 6].

Междисциплинарная интенция органична научному сознанию и есть, в том числе, реакция науки на свои собственные достижения. Одним из таких достижений является осознание «сложности» (нередуцируемости) познаваемой действительности. По мнению белорусского исследователя В. В. Демирова, сложность «недооценивается» дисциплинарно организованной наукой и становится «новым горизонтом» для современных интегрированных исследований [15, с. 54]. Постнеклассическое внимание к сложным системам в методологии научного познания влияет на частоту появления междисциплинарных исследовательских проектов.

Многообразие трактовок междисциплинарности затрудняет выработку общих критериев проведения междисциплинарных исследований. Несмотря на это, имеющийся опыт определений и классификаций междисциплинарности характеризуется одной общей чертой: они формулируются в результате аналитической рефлексии по отношению к опыту осуществленных междисциплинарных исследований. В этой связи важным является вывод, сделанный исследователями Института философии РАН России Л. П. Киященко и В. И. Моисеевым: «сложность» современной науки, выходящей «за границы своей классической самоидентификации», связана «не только с нередуцируемой многомерностью исследуемой проблемы», но, «в первую очередь», с тем, что «предмет и метод» междисциплинарных исследований «сами оказываются в среде становления» [16, с. 11].

Базовым положением для понимания междисциплинарности выступает воззрение В. С. Степина о «*парадигмальных прививках*». «Парадигмальные прививки» – это «перенос представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» [17, с. 579]. Подобное понимание междисциплинарности транслируется также Л. П. Киященко и В. И. Моисеевым: «междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений» [16, с. 23].

В современной философии и методологии науки изучается такая форма интеграции знания, как *трансдисциплинарность* (Л. П. Киященко, В. И. Моисеев, В. С. Мокий, Э. М. Сороко и другие). Тогда как цели междисциплинарного переноса знания являются внутридисциплинарными, то трансдисциплинарность «касается того, что может лежать между дисциплинами, “поперек” дисциплинарных делений или за границами каждой отдельной дисциплины» [16, с. 23]. Трансдисциплинарность в самом ши-

роком смысле отражает постнеклассическое стремление к метатеоретическому единству науки. Трансдисциплинарность трактуют как «генерацию новых “сверхдисциплин”» [8, с. 93].

Важным признаком, позволяющим разграничить междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования, является *субъектный состав*. Трансдисциплинарные исследования имеют коллективный характер. В них принимают участие представители разных дисциплин. Кроме того, рабочий коллектив «включает в себя представителей самых разных областей культуры – ученых, политиков, представителей общественности и т. д.» [16, с. 25].

Политология как часть социальной науки не может оставаться в стороне от междисциплинарных интенций. Политология с момента своего дисциплинарного оформления на рубеже XIX–XX веков находилась под сильным влиянием междисциплинарности. Как отмечал М. Доган, «как бы то ни было, политическая наука всегда брала гораздо больше, чем давала». Французский исследователь называет почти 90 понятий и категорий «перенесенных» в политологию из социологии, психологии, экономики, философии, антропологии, теологии, журналистской и политической лексики [18, с. 118–119].

Американский политолог Г. Алмонд в своей хрестоматийной статье «Политическая наука: история дисциплины» обозначил три «пика» в развитии политологии. Все они связаны с привнесением в политологию новых методов исследований: эмпирические методы, поведенческий подход, логико-математические методы [19, с. 69]. Анализ теоретико-методологических заимствований в политологии позволил сделать вывод, что наибольшее значение для развития политологии имела интеграция со следующими дисциплинами: биология/психология, математика/экономика, география, социология, антропология. Это, в свою очередь, объясняет междисциплинарную структуру политической науки, деление на субдисциплины. Значение междисциплинарности для политологии не ограничивается проектированием субдисциплин. Междисциплинарность оказывает как положительное, так и отрицательное влияние и на проведение «рядовых» политических исследований.

С одной стороны, междисциплинарность является наиболее доступной формой интегративного исследования. Коллективный характер исследований, будь-то в рамках трансдисциплинарности, или мультидисциплинарности (когда «участники работают независимо друг от друга, решают общую задачу, опираясь на собственную дисциплинарную базу»), или интердисциплинарности (когда участники работают вместе, но «в рамках своих дисциплинарных баз»), является возможным для политологии, но не обязательным [20, с. 27–28]. Невозможность собрать коллектив для проведения транс-, мульти- или интересследования не должна выступать препятствием для решения задач политических исследований.

С другой стороны, тенденция интеграции научного потенциала различных дисциплин стала настолько актуальной, что в настоящее время в

литературе уже можно встретить критические замечания в отношении междисциплинарных исследований. По мнению российского исследователя А. Н. Книгина, многочисленные научные публикации, «претендующие» на междисциплинарность, свидетельствуют о «моде» на эту исследовательскую практику. Популярность междисциплинарности оборачивается против научного познания и против нее самой. Обширное и не всегда обоснованное внимание междисциплинарности приводит в итоге к «бессодержательности и расплывчатости» ее смыслового содержания и, что более важно, к «созданию иллюзии новизны» в науке [7, с. 14].

Междисциплинарная стратегия политических исследований должна учитывать эвристический потенциал синтеза знания и исходить из задач исследования. Междисциплинарность – это один из вариантов реализации политического исследования, а не догма. Необоснованное обращение к междисциплинарности может привести к излишней эклектичности и умозрительности политических исследований. Методологически обоснованно будет применение междисциплинарной стратегии в случае эвристической ограниченности смежных подходов: комплексного анализа, системного подхода. В этом случае междисциплинарность в политологии будет отражать поиск нового эффективного инструментария познания, а не усложненной формы предоставления знания о политике.

Все четыре формы интеграция науки (мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность) могут применяться в политологии в зависимости от субъектного состава участников политического исследования. Наибольшее значение на политологию оказала междисциплинарная интенция, поспособствовав внедрению эмпирических методов и формированию политических субдисциплин (политическая психология, теория политических систем, геополитика и политическая экология, политическая социология, политическая антропология). Междисциплинарность выступает эвристическим подходом интеграции знания для политологии, так как учитывает прежний опыт становления и развития политической науки, а также возможные ограничения исследовательских коллективных практик исходя из форм предоставления научной работы и условий национального и международного научного дискурса.

Список использованных источников

1. *Nicolescu, B.* Transdisciplinarity: Basarab Nicolescutalks with Russ Volckmann / B. Nicolescu, R. Volckmann // *Integral Rev.* – 2007. – Iss. 4. – P. 73–90.
2. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (от 9 окт. 1998 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. ТехЭксперт [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901839539>. – Дата доступа: 06.02.2019
3. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации, 1 дек. 2016 г., № 642 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2019.

4. Стратегия «Наука и технологии: 2018-2040» / разработ. НАН Беларуси. – Минск: НАН Беларуси, 2017. – 40 с.

5. Позднева, С. П. Междисциплинарность как тотальный феномен познания XXI века: становление междисциплинарного словаря науки / С. П. Позднева // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Т. 9, № 2. – С. 114–123.

6. Клейнер, Г. Б. Междисциплинарность в социально-гуманитарных исследованиях: новые парадигмы / Г. Б. Клейнер // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании: материалы Всерос. науч. конф., Ростов н/Д, 22–23 июня 2016 г. / Юж. федер. ун-т; отв. ред. Е. Ю. Баженова. – Ростов н/Д: Изд-во Юж. федер. ун-та, 2016. – Ч. 1: Пленарные доклады. – С. 20–34.

7. Книгин, А. Н. Междисциплинарность: основная проблема / А. Н. Книгин // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 3(4). – С. 14–21.

8. Павловский, В. В. Форма и содержание современных концепций дисциплинарности / В. В. Павловский // Гуманитар. исслед. Вост. Сибири и на Дал. Востоке. – 2016. – № 2(36). – С. 91–95.

9. Lattuca, L. R. Creating interdisciplinary: interdisciplinary research and teaching among college and university faculty / L. R. Lattuca. – Nashville: Vanderbilt Univ. Press, 2001. – 312 p.

10. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

11. Касавин, И. Т. Интеграционность и междисциплинарность в социогуманитарном пространстве / И. Т. Касавин // Труд и соц. отношения. – 2008. – № 5. – С. 19–26.

12. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд; пер. с англ. и нем.; общ. ред. И. С. Нарский. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.

13. Васюков, В. Л. Междисциплинарность: логический анализ / В. Л. Васюков // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 3. – Т. 41. – С. 53–71.

14. Венцковский, Л. Е. Междисциплинарные исследования и единство научного знания: вступительная статья / Л. Е. Венцковский // Методологические проблемы междисциплинарных исследований (по материалам советской литературы): сб. обзоров / Акад. наук СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; ред.-сост. Л. Э. Венцковский. – М., 1989. – С. 5–29.

15. Демиров, В. В. Трансдисциплинарность как специфическая форма синтеза научного знания / В. В. Демиров // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания: материалы Третьей междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб. 2018 г.: в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т философии; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 1. – С. 52–55.

16. Киященко, Л. П. К истории трансдисциплинарного подхода / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев // Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 16–37.

17. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

18. Доган, М. Политическая наука и другие социальные науки / Г. А. Алмонд // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопаля. – М., 1999. – С. 113–145.

19. Алмонд, Г. А. Политическая наука: история дисциплины / Г. А. Алмонд // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х. Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопаля. – М., 1999. – С. 69–112.

20. Ретина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Круг, 2011. – 560 с.

(Дата подачи: 12.02.2019 г.)